

Кризисъ большевизма.

Вопросъ о причинахъ происходящаго на нашихъ глазахъ кризиса большевизма заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Не слѣдуетъ забывать, что до сихъ поръ большевизмъ являлся лѣвою, революціонною половиною русской социалъдемократіи, что большевики относились къ меньшевикамъ, какъ монтаньяры къ жирондистамъ Великой Французской революціи — *toutes proportions gardées*, разумѣется. Кризисъ въ такой фракціи, если изъ него не находятъ своевременно надлежащаго выхода, не можетъ пойти на пользу революціи. Какъ бы мы, социалисты-революціонеры, ни относились къ программѣ и тактикѣ нашихъ «друго-враговъ», мы должны признать, что распаденіе русскаго социализма на два основныхъ направленія, социаль-демократическое и социаль-революціонное, есть не случайность, а явленіе, имѣющее свои глубокія социаль-психологическія основы. Съ двумя теченіями намъ придется считаться еще долго, ибо ранѣе того времени, какъ сдѣлается возможнымъ открытое существованіе ихъ на широкой аренѣ политической свободы, не можетъ идти серьезно и рѣчи о созданіи въ Россіи, согласно принципіальнымъ требованіямъ Интернаціонала, единой социалистической партіи.

Но разъ это такъ, разъ два социалистическихъ теченія есть до поры до времени фактъ, его же не преи́деши, то было бы совершенно нецѣлесообразно усвоить себѣ на событія, происходящія внутри социаль-демократической партіи, упрощенный взглядъ, выражаемый формулою: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Напротивъ, какъ мнѣ кажется, жизнью диктуется намъ совершенно иное отношеніе къ этимъ событіямъ. Мы можемъ и должны совершенно безкорыстно привѣтствовать каждый успѣхъ лѣвыхъ социаль-демократовъ, выводящій с.-д. партію на широкую дорогу революціонной борьбы. Чѣмъ больше будетъ такихъ успѣховъ, тѣмъ чаще мы будемъ встрѣчаться съ нашими «друго-врагами» плечо съ плечомъ въ выступленіяхъ противъ общаго врага, тѣмъ болѣе будетъ оздоравливаться общая атмосфера междупартиейныхъ отношеній. Исторія мѣсяцевъ протекающаго революціоннаго періода служить лучшею иллюстраціей этому. Я не могу удержаться отъ улыбки, вспоминая, какъ эволюціонировалъ хотя бы способъ обращенія другъ къ другу на митингахъ ораторовъ двухъ партій. Для социаль-демократа каждый ораторъ социалист-революціонеръ былъ сначала просто «г. такой-то». Потомъ какой то находчивый человекъ приискалъ остроумную формулу: «товарищъ по революціи». Спасительная формула быстро привилась и пошла въ ходъ. Но потому ли, что языкъ социаль-демократическихъ ораторовъ уставалъ и путался въ длиннотахъ этой формулы, или потому, что à la longue глубокомысленный формализмъ ея сталъ, наконецъ, становиться дѣтскимъ

и смѣшнымъ, — но только «товарищъ по революціи» постепенно смѣнился «товарищемъ» tout court. Да, все это, конечно, одласть юмористикой, но она характерна для фракціонной психологіи, и эволюція въ этомъ «митинговомъ этикетѣ» симптоматически отмѣчаетъ болѣе глубокія измѣненія въ этой психологіи. Въ эпоху революціоннаго кризиса разногласій было не меньше, чѣмъ теперь, а практическое значеніе этихъ разногласій было посерьезнѣе, ибо за словами тогда тотчасъ же слѣдовало дѣло. И тѣмъ не менѣе, атмосфера междифракціонныхъ отношеній тогда начинала замѣтно улучшаться. Иное дѣло теперь, когда половое схлынуло, когда русло партійной организаціонной жизни обмелѣло. Повсюду мы видимъ рецидивы старой, дореволюціонной психологіи. Изъ мрака времени грозитъ подняться сырая мгла заграничной междифракціонной грызни, съ ея лучшими приѣмами хлестаковской развязности, выдаваемой за остроуміе, и топорной бранчивости, выдаваемой за рѣзкую принципиальность. Какъ будто снова прорвало какую-то плотину, и наконившійся за нею соръ, щепки, арбузные корки, гнилая картошка — все полетѣло, завертѣлось въ маленькихъ водоворотахъ, весело запрыгало на поверхности... И въ самомъ дѣлѣ, какая утѣшительная картина! Какъ все это подходитъ къ трагической серьезности переживаемого момента!

Сущность происходящаго на нашихъ глазахъ кризиса большевизма до такой степени осложнена, загромождена всяческимъ поверхностнымъ соромъ, что ее немудрено и совершенно не разглядѣть изъ-за его беспорядочнаго скопленія. Г. Плехановъ такъ и взглянулъ на дѣло. Въ его объясненіи кризиса большевизма все обстоитъ очень просто. Въ борьбѣ съ меньшевиками Ленинъ старался, видите ли, подобрать себѣ большинство и ради этой цѣли выбросилъ за бортъ всякую разборчивость; подобно хлестаковскому слугѣ Осипу онъ разсуждалъ, что въ дорогѣ все пригодится, и бралъ не только сахарныя головы, но и веревочки и вообще все, что придется; а благодаря этому онъ накопилъ столько сахарныхъ головъ и всякихъ другихъ ненужностей, что повозка большевизма совершенно перегрузилась. Тогда произошла реакція — Ленинъ спохватился и, на этотъ разъ уже по подобію одного героя Успенскаго, принялся размахивать направо и налево, пока не «распространилъ вокругъ себя пространство» и не разлетѣлись въ разныя стороны всевозможные отзовисты, ультиматисты, богостроители, социалдемократическіе анархо-синдикалисты и т. п.

Въ этомъ объясненіи кризиса большевизма, какъ видите, есть все, что угодно, кромѣ немногаго: кромѣ большевизма. Большевизмъ исчезъ, испарился, какъ будто его никогда и не было, а былъ только одинъ Ленинъ. Сначала Ленинъ набиралъ, потомъ Ленинъ сталъ разгонять. Но полно, такъ ли? И та остроумная поверхностность, которой кокетничаетъ здѣсь Г. Плехановъ, даетъ ли что нибудь, кромѣ полемическаго препровожденія времени? Мы отнюдь не хотимъ отрицать той

крупной роли, которую Ленинъ игралъ въ созданіи и развитіи «большевизма»; не станемъ мы отрывать и того, что личности и личные счёты играли всегда немалую роль въ исторіи социалъдемократическихъ расколовъ. Что дѣлать! Это обычныя дѣтскія болѣзки всякой партіи. Но сводить все къ личностямъ съ ихъ капризами, прихотями и претензіями—это, какъ будто, ужъ чересчуръ много.

Вѣрно, конечно, что при первоначальномъ *зарожденіи* большевизма роль личнаго элемента была преобладающей. Но въ исторіяхъ партій всегда такъ бываетъ, что раздоры и образования чисто-персональных центровъ являются лишь формой, въ которую затѣмъ жизнь постепенно вливаетъ болѣе безличное содержаніе. Вожаки могутъ перессориться между собою изъ-за чегó угодно, но группировка вокругъ нихъ пойдетъ по химическому средству элементовъ, разъ начавшаяся кристаллизація пойдетъ дальше, и создавшаяся свита, школа, аудиторія черезъ нѣсколько времени *поведетъ* за собою своихъ *вожаковъ*. «Учители» и «вожди», если они понимаютъ свое положеніе, должны будутъ вспомнить слова Мефистофеля: «Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben».

Въ началѣ раскола «единой россійской etc.» предметъ раскола былъ дѣйствительно до смѣшного ничтоженъ. *Идейное* значеніе имѣлъ только споръ о редакціи § 1 устава. — Считать ли членами партіи работающих въ организаціи или работающих *подъ руководствомъ* организаціи? Въ этомъ была сущность уставнаго спора. Многочисленные оказались сторонники ограниченія партіи рамками личнаго состава организаціи. Побѣдители дѣлали, однако, оговорку, которая и этотъ споръ сводила къ спору о словахъ. Именно, въ понятіе «партійной организаціи» они включали также всевозможныя организаціи *ad hoc* или «lose Organisationen», какъ говорятъ нѣмцы. Организациі для содѣйствія партіи въ какомъ-нибудь специальномъ отношеніи или вопросѣ, организація рабочихъ для стачки *подъ руководствомъ* партіи, специальная организація обычно неорганизованной «периферіи» для обсужденія программы партійнаго

сѣзда и выборовъ на него, — все это очевидно ниги-
 ein bisschen anderen Worten широко открывало ворота
 въ партію тѣмъ элементамъ, которыхъ имѣла виду
 другая сторона, говоря о «работающихъ подъ руковод-
 ствомъ» или «подъ контролемъ» партійной организаціи.
 Конечно, всегда есть охотники до «тонкихъ различій»,
 до искусства «расщепленія каждаго волоска»; но чтобы
 исходя изъ подобныхъ мелочей и тонкостей, дойти до
 пѣлагъ фракціоннаго раскола — нужна, конечно, кака-
 то специальная психологія, нужно такое накопленіе
 взаимныхъ неудовольствій, при которомъ было бы по-
 нятно, что всякій поводъ окажется хорошъ для вза-
 имныхъ отлученій отъ маркенизма. Такъ и здѣсь. Изъ
 первыхъ поразъ всѣмъ бросалось въ глаза то, что впо-
 слѣдствіи затемнилось: все это «идейное разногласіе»
 было щито бѣлыми нитками.

Дальнѣйшимъ ходомъ партійныхъ неурядицъ лич-
 ный элементъ былъ подчеркнутъ еще яснѣе. Все со-
 средоточилось на борьбѣ изъ-за мѣстъ въ редакціи, изъ-
 за мѣстъ въ Ц. К. Въ редакціи сначала Ленинъ съ
 Плехановымъ вытѣснили Засуличъ, Аксельрода etc.,
 потомъ Плехановъ вытѣснилъ Ленина, потомъ Плеха-
 новъ «единогласно» кооптировалъ Засуличъ, Аксель-
 рода etc.: все это сопровождалось личной полемикой,
 поражавшей сторонняго наблюдателя отсутствіемъ вся-
 каго присутствія болѣе глубокаго принципиальнаго
 предмета спора. Дошло до того, что на страницахъ
 „Искры“ споръ былъ совершенно откровенно сведенъ
 къ вопросу о мѣстахъ въ «редакціонномъ оркестрѣ»
 и о томъ, кто долженъ получить въ свои руки «дири-
 жерскую палочку»...

Такъ было вначалѣ. Но только въ началѣ. Оста-
 вшіеся въ «меньшинствѣ» немедленно же, согласно
 правилу: «врагъ нашего врага — намъ другъ», должны
 были искать союза съ остатками прежнихъ, разгромлен-
 ныхъ фракцій — «рабочедѣльцами» и «южнорабоченцами».
 Этотъ шагъ уже подготовлялъ переходъ отъ личныхъ
 разногласій къ принципиальнымъ: онъ требовалъ, что-
 бы партійное меньшинство сдѣлало нѣкоторыя уступки

направо, на первых порахъ хотя бы въ духѣ болѣе примирительнаго отношенія къ бывшимъ «экономистамъ» и сторонникамъ «теоріи стадій». При началѣ раскола трудно было даже въ микроскопъ разглядѣть, чѣмъ сторонники Ленина отличаются отъ сторонниковъ Мартова, кромѣ того, что одни при выборахъ въ Ц. К. и редакцію Ц. О. остались въ большинствѣ, а другіе въ меньшинствѣ; отсюда и нелѣпое «арифметическое» наименованіе фракцій—большевики и меньшевики, сохранившееся по традиціи до тѣхъ временъ, когда меньшевики сдѣлались большинствомъ, а большевики—меньшинствомъ въ партіи. Но когда рабочедѣльцы превратились въ своего рода *tailles* и меньшевики приняли ихъ, какъ блудныхъ дѣтей, въ свое лоно,—наряду съ арифметическими кличками впервые явились и другія: меньшевики стали «мягкими» искровцами, большевики остались «жесткими» или «твердыми». Начался въ обѣихъ фракціяхъ частью естественный, частью искусственный подборъ болѣе фанатическихъ и радикальных элементовъ—съ одной стороны, болѣе уступчивыхъ и импрессионистскихъ—съ другой. Аудиторія вліяла на вождей. Въ Ленинѣ она воспитала холоднаго фанатика и безпощаднаго Мырещова большевизма, въ Мартовѣ—гибкаго, эластичнаго адвоката меньшевизма. Два неразлучныхъ Лякса оказались на двухъ противоположныхъ полюсахъ социалдемократіи.

Событія конца 1905 года застали обѣ фракціи уже опредѣлившимися. Прошло то время, когда на мѣстахъ, въ отдѣльных комитетахъ, группы «большинства» и «меньшинства» порою оказывались въ затруднительномъ положеніи, ибо, за арестомъ старожиловъ, «теряли разницу» и тодько съ большими трудами, при помощи заграницы, вновь разыскивали ее. По мѣрѣ того, какъ поднималась революціонная волна, большевики опредѣлялись, какъ фракція въ наибольшей мѣрѣ практической существующая въ сферѣ работы по боевой подготовкѣ къ возстанію, пропаганды и организаціи въ войскахъ и т. п., въ то время, какъ меньшевики считали достаточнымъ «вооружить массы желаніемъ самовооружать-

ся». Б-ки выдвинули лозунгъ революціонной диктатуры пролетаріата и крестьянства—въ то время, какъ меньшевики настаивали на чисто-буржуазномъ характерѣ революціи и необходимости поддерживать либеральную буржуазію. Б-ки выступили за сближеніе съ с.-р. и народническими элементами противъ кадетовъ, въ то время какъ меньшевики отвергали такое сближеніе и желали поддерживать кадетовъ. Въ связи съ этими разногласіями стояла уже, съ одной стороны, разница въ оцѣнкѣ момента и двигательныхъ силъ революціи, а съ другой—разница въ повседневныхъ лозунгахъ, туманной тактикѣ и т. п. Создалось, словомъ, два рѣзко-очерченныхъ крыла социалдемократіи—лѣвое и правое.

Было бы ошибкой отрицать этотъ смыслъ дѣленія с.-д. партій на большевиковъ и меньшевиковъ въ виду того, что иногда, въ разгарѣ острыхъ событій, большевики оказывались сторонниками болѣе сдержанной и осторожной тактики, въ то время, какъ меньшевики однимъ скачкомъ оставляли большевиковъ за собою въ крайнихъ лозунгахъ. Если именно меньшевики чуть-чуть не перешли къ признанію политическаго террора, если изъ ихъ среды вышли своеобразные соц.-дем. максималисты Парвусъ и Троцкій, если они одно время отъ лица меньшевистскаго направленія провозгласили лозунгъ «непрерывной революціи» — то все это ничего не доказываетъ, кромѣ того, что «мягкіе», оппортунистическіе элементы всѣхъ временъ и народовъ оказываются особенно чувствительны къ переменамъ обстоятельствъ. Догматическіе радикалы марксизма имѣютъ свою строго-опредѣленную линію поведенія, которую упорно выдерживаютъ, не смущаясь превратностями борьбы. Оппортунисты же въ эпохи историческаго отлива готовы доходить до партійнаго «ликвидаторства», за то, въ эпохи историческаго прилива могутъ импрессионистски выкинуть самые крайніе лозунги. Это мы видѣли на примѣрѣ рабочедѣльцевъ, когда съ ними боролась тогда еще единая нераздѣльная «Искра». Стоило подуть въ Россіи революціонному вѣтерку, какъ вчерашніе экономисты вдругъ однимъ скачкомъ опередили въ

революціонизмъ своихъ противниковъ, искровцевъ, выступивъ съ лозунгомъ: «стройтесь въ штурмовыя колонны!», поразившимъ своей внезапностью всѣхъ въ социалъдемократическомъ и не соц.-дем. лагерѣ. И говоря объ извѣстной прокламаци «Историческій поворотъ», которую искровцы немедленно перекрестили въ «Историческій поворотъ» рабочедѣльчества. То же мы видимъ и на примѣрѣ Мореса въ оппортунистическій періодъ его социализма: готовый чуть не на революцію во время дѣла Дрейфуса, онъ былъ готовъ на миллерандизмъ по завершеіи этого дѣла.

Итакъ, роль отдѣльныхъ личностей, вожаковъ, во всей этой эволюціи была далеко не такъ велика, какъ это могло показаться на первый взглядъ, или, лучше сказать, она была велика, но лишь постольку, поскольку этого требовалъ сектантскій характеръ движенія, немедленно доводившій мелкія разногласія до расколовъ и требовавшій существованія людей, которые были бы высшими духовными авторитетами — въ глазахъ однихъ, и ересіархами — въ глазахъ другихъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы личныя качества этихъ вожаковъ были «не при чемъ» въ развитіи разногласій и расколовъ. Но эти качества въ еще большей степени испытывались, культивировались въ вожакахъ аудиторіей, чѣмъ опредѣляли собой аудиторію и ея составъ. Въ частности, неумѣренное поклоненіе со стороны своихъ и столь же неумѣренное, подчеркнутое, преувеличенно-презрительное и насмѣшливое отношеніе другихъ не могли не развивать болѣзненного самолюбія, рядящагося въ тогу олимпійскаго высокомерія и въ то же время чувствительнаго къ мельчайшимъ булавочнымъ уколамъ. Только потому и постольку и оказывались эти лица вожаками, что личныя качества ихъ шли въ унисонъ съ психологіей группы, соответствовали ея особеннымъ потребностямъ до полного сліянія. Большевикамъ нуженъ былъ властный, хотя бы упрямый и топорный, но зато абсолютно закрученный, монолитно-цѣлостный «революціонный ортодоксъ»; меньшевикамъ былъ столь же нуженъ эластичный и гибкій, хотя бы до безхарак-

терности, до импрессионизма, адвокат «широкаго практицизма». Если бы Ленина и Мартова не было, их пришлось бы выдумать.

Но если такъ, то смѣшно думать, будто теперешнія неурядицы среди большевиковъ обязаны своимъ происхожденіемъ Ленину. Не Ленинъ ликвидировалъ большевистскій «бойкотизмъ». Ленинъ только забѣжалъ впередъ того процесса, который несомнѣнно подготовлялся среди большевиковъ жизнью. Когда, передъ выборами въ третью Думу, большевики пробовали отстоять бойкотистскую позицію, — отпаденіе Ленина и переходъ его, въ этомъ частномъ вопросѣ, на сторону меньшевиковъ, конечно, были для его фракціи неприятнымъ сюрпризомъ, — тѣмъ болѣе неприятнымъ, что меньшевикамъ, въ союзѣ съ окраинными партіями, удалось побѣдить недавнее «партійное большинство». Но гипнотизировать себя этой внѣшностью «измѣны вождя» не приходится; это значило бы скользить по поверхности и не замѣчать болѣе глубокаго соотвѣтствія. Во времени выборовъ въ третью думу большевики уже приняли цѣлый рядъ *предпосылокъ* отказа отъ бойкота; Ленинъ прежде другихъ сдѣлалъ изъ этихъ предпосылокъ логическій выводъ. Сохраненіе бойкотистской позиціи имѣло бы смыслъ лишь постольку, поскольку большевики вели бы или собирались бы вести наступательную тактику. Но въ чемъ бы она могла выразиться? *Террора* они никогда не признавали, а формы *массоваго* боевизма были ими ко времени третьей думы почти совершенно ликвидированы. Не только о вооруженномъ возстаніи и подготовленіи къ нему не было и рѣчи; не предполагалось ни демонстраціонной, ни даже хотя бы наступательной стачечной тактики. Была почти совершенно прекращена и работа въ арміи. Словомъ, наступательная тактика была ликвидирована во всѣхъ ея видахъ и формахъ. Вернуться къ ней пока не предполагалось. Но тогда почему же сохранить одинъ бойкотизмъ? Массѣ большевиковъ, конечно, было трудно сразу отказаться отъ этого привычнаго лозунга; онъ спасалъ видимость революціонизма, не воскрешая его сущности. Съ

третьей думой и фракціей масса ^ббольшевиковъ могла лишь медленно примириться. Это и совершается, — въ значительной степени уже совершилось, — на нашихъ глазахъ. Всего лучшаго вліянія Ленина оказалось недостаточно, чтобы заставить его фракцію «перепрыгнуть чрезъ естественныя фазы своего развитія» прямо къ конечному результату. То же вѣрно и по отношенію къ вопросу о созданіи с.-д. «партііаго центра», — вопросу, о которомъ такъ много говорятъ и разрѣшенія котораго ожидаютъ отъ намѣчающагося, какъ будто бы, сближенія Ленина съ Плехановымъ. Но если бы даже оба они этого страстно желали, вмѣсто того, чтобы поминуть пословицу: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ», изъ этого могло бы ровно ничего не проистечь. Если же теперь являются серьезные шансы на созданіе «центра», то только потому, что большевизмъ пережилъ *внутренній* кризисъ, подвергся процессу *линия* и тѣмъ самымъ перемѣстился къ «центру» (прежде Ленинъ вмѣсто иностраннаго слова «центръ» употреблялъ болѣе красочное, чисто русское словечко «болото»).

«Ультиматисты» и «отзовисты» (не говорю о «богостроительствѣ», ибо эта *словесническая* революція Луначарскаго къ настоящей революціи имѣетъ очень мало отношенія) хотѣли бы плыть противъ теченія и воспрепятствовать перерожденію большевизма. Но для этого они должны бы были, прежде всего, отрѣшиться отъ взгляда на это перерожденіе, какъ на «ленинскую интригу». Это — плохой полемическій приѣмъ, который врядъ ли можетъ кого нибудь ослѣпить, кромѣ самихъ тѣхъ, кто имъ неумѣренно пользуется. Изученіе глубокихъ причинъ перерожденія большевизма привело бы лѣвыхъ с.-д. къ ясному пониманію того, что *отрицательная революціонность* бойкотизма бесплодна, если съ нею не связана другая, *положительная* революціонность боевой тактики. Этого яснаго пониманія у нихъ, по видимому, еще нѣтъ; есть только смутное, инстинктивное чувство. На манифестъ «устраненныхъ» изъ большевистской фракціи это отразилось кое-какими боеви-

стскими нотами. Но они столь смутны и неопредѣленны, что Ленинъ не совсѣмъ безъ всякаго основанія высмѣялъ ихъ въ своемъ отвѣтѣ.

Если отзовисты претендуютъ воскресить «лѣвую» социальдемократію, то имъ мало доказать, что нынѣшній оффиціальныи большевизмъ, блуждая въ глухую пору реакціи по всякимъ узенькимъ обходнымъ тропинкамъ, растерялъ всѣ существенные пункты отличія отъ меньшевиковъ не-ликвидаторовъ. Имъ мало и хвататься за *негативный* революціонизмъ тактики бойкота. Имъ нужно совершенно конкретно выяснить, въ чемъ состоитъ ихъ *позитивная* революціонность, какую имѣютъ они предложить *конкретную боевую линію поведенія*. Иначе дни ихъ сочтены.

Любопытнымъ симптомомъ кризиса большевизма является и та, исходящая изъ отзовистскаго лагеря, «критика политическихъ положеній современной русской социальдемократіи», которой мы ниже даемъ мѣсто. На страницахъ «Знамени Труда». Авторъ ея, Н. Гарри, писавшій ранѣе въ «Пролетаріи», остается марксистомъ по исходнымъ точкамъ своего міросозерцанія, но его марксизмъ есть только на половину марксизмъ социальдемократическій; на другую, добрую половину это есть марксизмъ синдикалистскій. Мы даемъ этой статьѣ мѣсто въ нашемъ органѣ во-первыхъ потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ тактики высказываемые въ ней взгляды совпадаютъ съ нашими, во-вторыхъ же потому, что эта небезынтересная статья врядъ ли могла бы рассчитывать на помѣщеніе въ наличныхъ фракціонныхъ органахъ социальдемократической прессы. По намъ думается, что статья эта поучительна и въ своихъ ошибкахъ, о которыхъ мы позволимъ себѣ сказать пока лишь нѣсколько словъ.

Жалкій характеръ современной государственной думы, этой пятой спицы въ колесницѣ столыпинскаго режима, служить однимъ изъ крупнѣйшихъ козырей

отзовизма. Ея резко выраженный сословный, классовый характеръ, дѣлающій ее ареной самого беззащитнаго реакціоннаго мракобѣсія, дѣлаетъ слабую личными силами с.-д. фракцію какой-то ненужностью. Ея изолированность менѣе всего похожа на *splendide isolation*, и то третированіе, которому она подвергается въ думѣ, отнюдь не-нейтрализуется отношеніемъ къ ней ея собственныхъ избирателей, въ тщетной борьбѣ въ равнодушіемъ которыхъ изнемогаетъ с.-д. литература. Понятно, что безобразія, ареною которыхъ такъ часто является третья дума, уже не разъ заставляли оппозицію—въ томъ числѣ даже кадетовъ!—въ знакъ протеста покидать залъ засѣданія. И немудрено, что менѣе терпѣливая часть рабочаго класса, изъ подчиненія партійной дисциплинѣ выбиравшая въ думу, не удовлетворяется этимъ *символизмомъ* протеста, отъ повторенія нисколько не выигрывающимъ въ смыслѣ впечатлѣнія. *Отзовизмъ* обобщаетъ это настроеніе, ставя на мѣсто символическаго покиданія думы—дѣйствительное, ставя вмѣсто многократнаго вида—видъ совершенный, и полагая, что уходить въ одну дверь, чтобы тотчасъ войти въ другую—занятіе слишкомъ невинное и слишкомъ мало соответствующее серьезности положенія.

Чтобы отпарировать этотъ наиболѣе «козырный» аргументъ отзовизма—указаніе на реакціонность третьей думы—Ленинъ и его сторонники, по своему обыкновенію, поднялись на самыя вершины революціонной идеологии. Для сверхъ-революціонизма что значитъ реакціонность дворянской думы? Всѣ парламенты въ мірѣ реакціонны, всѣ—орудія классоваго господства; нюансы неважны, различать ихъ — пустое крохоборство; думая проявить свой радикализмъ—въ бойкотѣ третьей думы, на дѣлѣ отзовисты выказываютъ только свой оппортионизмъ, ибо усматриваютъ какую то принципиальную разницу между русской думой и вообще буржуазными парламентами, это—оптимизмъ по отношенію къ буржуазному парламентаризму. Вотъ типичное разсужденіе оффиціальнаго большевизма. Такой сверхъ-революціонизмъ очень удобенъ: какъ видите, подъ его

декоративной виѣшностью можно провести на практи-
кѣ любую оппортунистскую контрабанду. Становясь на
такую же сверхъ-революціонную точку зрѣнія. Гэдъ ког-
да то договорился до того, что объявилъ безразличнымъ
для пролетаріата, монархическая или республиканская
въ странѣ форма правленія.

Отзовистовъ, съ легкой руки Плеханова, воѣ, въ
томъ числѣ и Ленинъ, обвиняютъ въ анархизмѣ. Но
если они и попадаютъ въ колею полуанархистской аргу-
ментации, то только по слѣдамъ своихъ учителей. Тотъ
сверхъ-революціонизмъ, примѣръ котораго мы видимъ
у Гэда, несомнѣнно граничитъ съ аполитизмомъ *liber-*
taire овъ. И многимъ, въ свое время, пришло на умъ,
что эта несчастная фраза, которая вырвалась у Гэда и
которой онъ упорно не хотѣлъ взять назадъ, есть лишь
случай атавизма, есть рецидивъ домарксистской эпохи.
— того давняго короткаго времени, теченіи котораго
Гэдъ былъ анархистомъ.

Органъ польскихъ с.-д., среди которыхъ Роза Люк-
сембургъ давно ввела революціонную фразеологию въ ея
типично-нѣмецкой формѣ, шелъ впереди всѣхъ въ этомъ
методѣ отпора отзовизму. Онъ, этотъ методъ, особенно
ярко проявился въ той фразѣ, которая такъ восхитила
редакцію «Пролетарія», и которую цитируетъ Н. Гарри:
«Можно было бы думать, что отзовисты вовсе не за-
мѣчаютъ, что *буржуазный парламентъ вообще есть только*
орудіе угнетенія рабочаго класса». И характерно, что Н.
Гарри обѣими руками подписывается подъ послѣдней,
отмѣченной курсивомъ частью этой фразы: онъ повто-
ряетъ ее въ разныхъ комбинаціяхъ на всѣ лады: онъ
хочетъ, напротивъ, доказать, что именно отзовисты, и
только одни они, проводятъ послѣдовательно до конца
эту точку зрѣнія, которой не выдерживаютъ ни социаль-
демократы вообще, ни большевики въ частности.

Присмотритесь къ разсужденіямъ Н. Гарри. Прежде
всего вамъ въ глаза бросится постоянное злоупотре-
бленіе словечками «лишь» и «только». Буржуазный пар-
ламентъ вообще есть *только* орудіе угнетенія рабочаго
класса, говоритъ польскій органъ, и Н. Гарри не упу-

скаеть повторить это, даже въ усугубленной формѣ: — «Поэтому для насъ возможно *только одно* опредѣленіе роли парламента въ буржуазномъ строѣ: всякій парламентъ, какъ политическое оружіе буржуазнаго строя, — строя, по существу своему враждебнаго рабочему классу — *тѣмъ самымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только* орудіемъ угнетенія рабочаго класса». Сильнѣе, кажется, сказать невозможно. Однако тотъ же Н. Гарри съ другой стороны, видитъ, что «частичное исключеніе изъ этого правила составляетъ иногда парламентъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ группировка силъ въ немъ соответствуетъ дѣйствительной группировкѣ силъ въ народѣ, т. е. въ странахъ демократически-республиканскихъ». Но тогда, стало быть, парламентъ *можетъ быть* чѣмъ то *инымъ*, а не *только* орудіемъ ея? И прежняя *строгая* формула незамѣтно подмѣняется другой: «Ужъ кто-кто, а мы то именно на это и указываемъ съ неустанной энергіей, что *почти всюду* буржуазный парламентъ есть *только* орудіе угнетенія рабочаго класса». Н. Гарри никакъ не могъ разстаться со словомъ *только*, и потому, положивъ его на одну чашку вѣсовъ, онъ уравнировалъ его, положивъ на другую «почти всегда». *Только, но почти; не можетъ быть* ничѣмъ инымъ, но *иногда бываетъ*. Сочетаніе, не особенно блестящее логичностью.

Однако, это еще не все. «Для насъ возможно *только одно* опредѣленіе роли парламента въ буржуазномъ строѣ», говоритъ Н. Гарри. Однако, уже въ его статьѣ мы находимъ не *одно* опредѣленіе, а *цѣлыхъ два*, и они далеко не однозначны.

Н. Гарри, вслѣдъ за революціонными синдикалистами, старается доказать, что реальная классовая борьба въ буржуазномъ обществѣ имѣетъ своею ареною исключительно *въ парламейтскую* арену «прямого воздѣйствія» другъ на друга чисто-классовыхъ, *въ парламентскихъ* боевыхъ организацій. «Парламентъ вообще не есть база для революціонныхъ дѣйствій, а *лишь* институтъ для мирнаго закрѣпленія соціальныхъ реформъ». Или, въ иныхъ терминахъ: «Парламентъ ни въ коемъ случаѣ

нельзя разсматривать, какъ орудіе борьбы классовъ, а лишь какъ институтъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ между сторонами. Сравнимъ съ этимъ опредѣленіемъ прежнее: развѣ они тождественны? Парламентъ — *только* орудіе угнетенія рабочаго класса: здѣсь рабочему классу достается роль паковальни, буржуазія — кузнеца, а парламентъ служить молотомъ. Парламентъ — лишь договорный, а не боевой институтъ: здѣсь буржуазія и пролетаріатъ уже предстаютъ, какъ до извѣстной степени равноправныя договаривающіеся стороны, а парламентъ превращается въ пассивнаго регистратора даннаго соотношенія силъ и соответственнаго ему распредѣленія выгодъ договорныхъ отношеній. Какъ же можно быть одновременно и *только* орудіемъ угнетенія, и лишь институтомъ для заключенія договоровъ?

Мы уже видѣли, что Н. Гарри не выдерживалъ до конца своего перваго опредѣленія роли парламента: не выдерживаетъ онъ до конца и второго. «Парламентъ ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ орудіе борьбы классовъ» — говоритъ онъ. Но онъ же говоритъ: «Какъ разъ въ странахъ съ наиболѣе развитой промышленностью парламентъ все болѣе и болѣе теряетъ значеніе орудія борьбы, а, наоборотъ, вытѣсняется новыми, ~~випарламентскими~~ боевыми организациями». Но чтобы «все болѣе и болѣе терять», нужно это «теряемое» въ достаточно большомъ количествѣ *имѣть*; а если «такъ», то куда же дѣвается торжествующее «ни въ какомъ случаѣ»? «Случаи» то, выходитъ были... да и теперь еще есть. Ибо «все болѣе и болѣе терять» — одно, а «потерять» — другое. Парламенту, какъ орудію классовой борьбы, оказывается еще и въ настоящемъ есть что терять. Есть что — даже въ странахъ «съ наиболѣе развитой промышленностью», гдѣ, по Н. Гарри, значеніе парламента, какъ орудія борьбы, наименьшее. Ну, а въ странахъ съ наименѣе развитой промышленностью? Тамъ то вѣдь отношеніе обратное! А пожалуй, эти послѣднія страны для насъ съ Н. Гарри будутъ поближе тѣхъ, другіхъ?

Парламентъ, конечно, бываетъ постоянно «институ-

томъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ между сторонами». Но вѣдь точно также и въ парламентарской, самый революціонный синдикатъ, не менѣе постоянно является такимъ же «институтомъ», что не мѣшаетъ ему одновременно быть боевымъ оружіемъ пролетаріата. Болѣе того: потому то синдикатъ — въ договорахъ, прекращающихъ стачки и закрѣпляющихъ тѣ или иные уступки — и можетъ играть *первую* роль, что онъ исполняетъ и *вторую*. И политическая организація лишь постольку закрѣпляетъ въ формѣ законовъ уступки господствующихъ классовъ, поскольку она является и въ парламентѣ, и въ его крупной моральной и матеріальной боевой силой. А потому слѣдуетъ оставить все эти «только», уравнивающимся различіями «а также», все эти «никогда», съ оговорками въ видѣ «иногда». Парламентъ въ извѣстныхъ предѣлахъ служитъ оружіемъ угнетенія пролетаріата, но это не мѣшаетъ ему также быть — тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ — и институтомъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ, и оружіемъ классовой борьбы для всѣхъ участвующихъ въ немъ партій, и много чѣмъ еще — напр., сосредоточеніемъ, концентраціей общественной силы для выполнения нѣкоторыхъ элементарнѣйшихъ, всѣмъ необходимыхъ культурныхъ функций. И, что всего важнѣе, *предѣлы* каждой изъ этихъ функций не суть ничто неподвижное, а напротивъ того, измѣняющіеся, растяжимое и подвижное. Роли парламента нельзя поэтому дать чисто *статическое* опредѣленіе — тутъ ошибка въ самой постановкѣ задачи, неизбежно влекущая за собою ошибки и въ ея разрѣшеніе. Опредѣленіе можетъ быть только *динамическимъ*.

Мы поступили бы несправедливо, если бы не отмѣтили, что если Н. Гарри ни одно изъ двухъ, данныхъ имъ, опредѣленій парламента не могъ выдержать послѣдовательно до конца, то по крайней мѣрѣ частичное несовпаденіе и даже противорѣчіе этихъ опредѣленій онъ замѣтилъ, и попытался свести къ нѣкоторому высшему единству. Единство это сводится вотъ къ чему: первое свое опредѣленіе онъ попытался сдѣлать про-

изводнымъ, вытекающимъ изъ второго, какъ болѣе основнаго. По существу своему парламентъ есть «институтъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ между сторонами»; настоящая борьба выносятся на своихъ плечахъ виѣпарламентскими организаціями, или, что то же, «дѣйствительными силами» класса; «а такъ какъ до сихъ поръ виѣпарламентскія организаціи буржуазіи») по силѣ и технике превосходятъ такія же организаціи пролетаріата, то ему ничѣмъ инымъ и быть не приходится, какъ *только* (и здѣсь магическое «только!») орудіемъ угнетенія рабочаго класса».

Синтезъ обоихъ опредѣленій, можетъ быть, замышленъ и недурно, но врядъ ли логическіе выводы изъ него ведутъ въ ту сторону, въ которую устремлены умственные взоры нашего автора. Если парламентъ *постольку* является орудіемъ угнетенія рабочаго класса, *поскольку* виѣпарламентскія силы и организованность буржуазіи выше силъ и организованности рабочаго класса, то ясно, что *по мѣрѣ* возрастанія силъ рабочаго класса (а необходимость такового, несомнѣнно, Николаемъ Гарри предусматривается) насчетъ силъ буржуазіи (а декадансъ буржуазіи для него, какъ марксиста, не менѣе несомнѣненъ), будетъ эволюционировать и парламентъ. Растущія силы рабочаго класса (организованныя, какъ политически, такъ и экономически) будутъ обуздывать, сокращать, подрывать *репрессивныя* функціи парламента, какъ служебнаго орудія буржуазіи, и развивать какъ общекультурныя функціи парламента, такъ и его функціи по «закрѣпленію мирныхъ реформъ».

*) Нельзя не отмѣтить еще одной странности у Н. Гарри: подъ виѣпарламентскими организаціями буржуазіи онъ разумѣетъ «армію, государство и т. д.» Вотъ такъ «виѣпарламентскія»! Но что же такое государство, если въ составъ его не входитъ самъ парламентъ? И что такое парламентъ, если государство является для него чѣмъ то виѣшнимъ? Поистинѣ, марксистъ еще можетъ быть силенъ, пока говоритъ объ «экономическомъ фундаментѣ»; но какъ только доходить дѣло до «настроекъ», такъ самыя элементарныя терминологическія различенія летятъ кверху ногами!

Не въ этомъ только будетъ состоять логика борьбы, ибо этимъ далеко не будетъ исчерпываться вся многосторонняя социальная борьба. Въ этомъ также далеко еще не дано мирное разрѣшеніе социального вопроса. Даже самые ярые сторонники «постепенности» развитія врядъ ли станутъ утверждать, что собачь будетъ легче, если обрубить ей хвостъ по кускамъ а не весь сразу: Надо полагать, впечатлительность буржуазіи окажется не ниже собачьей. И тому процессу, который «въ абстракціи» можно мыслить заканчивающимся мирнымъ путемъ, рано или поздно въ жизни буржуазія поставитъ свое властное: «Non possumus!» Иными словами, пробьетъ часъ политической революціи рабочаго класса противъ буржуазіи, революціи по содержанию своему классовой, а, слѣдовательно, социальной. Эта революція потребуетъ максимальнаго напряженія энергии, за то удача ея дастъ и максимальные результаты. Линія же наименьшаго сопротивленія чаще всего бываетъ и линіей наименьшей выгоды.

Этотъ большой и сложный вопросъ о парламентаризмѣ, однако, имѣетъ мало отношеній къ вопросу о третьей государственной думѣ, ибо, какъ бы высоко ни взбирались с.-д.-скіе анти-отзовисты и анти-бойкоти-сты на вершины своего теоретическаго Олимпа, но даже и съ самаго прекраснаго далека разстояніе между нашей думой и самымъ плохенькимъ буржуазнымъ парламентомъ не окажется столь малымъ, чтобы его можно было безнаказанно игнорировать. Результатъ отъ всего этого оказывается одинъ: запутывается не только вопросъ объ отношеніи къ русской госуд. думѣ, но и общій вопросъ о парламентаризмѣ. Это запутываніе является однимъ изъ характерныхъ явленій, сопутствующихъ кризису большевизма. Можно, сколько угодно, и не безъ основанія, уличать иныхъ отзовистовъ въ «синдикалистскихъ» грѣхопаденіяхъ. Но «первороднаго» грѣха нужно искать въ коренномъ большевизмѣ. Грѣхъ этотъ продиктованъ большевизму логикой его положенія; большевизмъ не могъ не впасть въ него, когда пытался выбраться изъ плачевнаго поло-

женія съ третьедумскимъ плѣненіемъ социальдемократіи, взбравшіе на такія высоты революціонизма, съ которыхъ «все—все равно». Въ слѣды своихъ бывшихъ учителей, къ сожалѣнію; стараются здѣсь понадать и многіе отзовисты. А этимъ они сами запутываются въ противорѣчіяхъ, ослабляющихъ ихъ «критику политическихъ положеній современной русской социальдемократіи».

Пожелаемъ же имъ выбраться изъ этихъ путъ... Ибо не избавившись отъ шатаній въ этомъ основномъ вопросѣ международной социалистической тактики, нельзя имѣть прочной политической линіи поведенія. А она болѣе всего необходима фракціи, желающей воскресить революціонное крыло въ русской с.-д.-тіи.

Николай Тавриловичъ

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Скромно, мало замѣтно помянуло русское общество день 17 октября, когда исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти П. Г. Чернышевскаго. Статьи въ ежедневныхъ газетахъ да 2 книги (если не считать совершенно не самостоятельной книги г. Ю. Стеклова), посвященный ему — не слишкомъ много для этого „властителя думъ“ своего поколѣнія.

За 10 лѣтъ своей литературной дѣятельности (1853-1862 г.) во главѣ журнала „Современникъ“ Чернышевскій пользовался необычайнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ вліяніемъ на все передовое общество и даже на русское правительство. Но именно эта духовная сила Чернышевскаго и была причиной его преждевременной гражданской смерти. Правительство увидѣло въ немъ опаснаго врага и воспользовалось первымъ удобнымъ случаемъ, что-